

Научная статья

УДК 82-94

<https://doi.org/10.24158/fik.2022.2.9>

Миссия Лоренца Ланга в Китае в 1721 г. (по материалам «Поденной записки...»)

Жанна Валерьяновна Петрунина

Комсомольский-на-Амуре государственный университет, Комсомольск-на-Амуре, Россия,
petrunina71@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0121-2147>

Аннотация. В статье представлен обзор миссии российского дипломата и государственного деятеля Лоренца Ланга (Ланге) в Китае. В качестве исторического источника выступает «Поденная записка пребывания г. Лоренца Ланга, агента Его Величества Императора Российского, при китайском дворе 1721 года», опубликованная в нескольких номерах журнала «Северный архив», а также комментарии к ней. Определено, что «Поденная записка...» является важным источником, в котором представлены сведения по истории Китая начала XVIII в., описаны особенности одного из начальных периодов становления российско-китайских отношений. Отмечается, что материалы Лоренца Ланга, отражающие итоги поездки, при всей глубине освещенных в них вопросов, оказались практически не востребованы в широких слоях российского общества XIX в. ни в научных, ни в образовательных целях. Данное обстоятельство можно объяснить удаленностью Поднебесной от активного центра России того времени и восприятием ее населением как неактуального, слабого партнера.

Ключевые слова: Лоренц Ланг, Российская империя, Китайская империя, российско-китайские отношения, дипломатия, дневники, российская периодическая печать

Для цитирования: Петрунина Ж.В. Миссия Лоренца Ланга в Китае в 1721 г. (по материалам «Поденной записки...») // Общество: философия, история, культура. 2022. № 2. С. 63–68. <https://doi.org/10.24158/fik.2022.2.9>.

Original article

Lorenz Lang Mission to China in 1721 (based on materials from «Per diem Note ...»)

Zhanna V. Petrunina

Komsomolsk-na-Amure State University, Komsomolsk-on-Amur, Russia,
petrunina71@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0121-2147>

Abstract. The article provides an overview of the Russian diplomat and statesman Lorenz Lang (Lange) mission to China. The historical source is the “Per diem note of the stay of Mr. Lorenz Lang, an agent of His Majesty the Emperor of Russia, at the Chinese court in 1721”, published in several issues of the “Northern Archive”, as well as comments to it. It is defined that “Per diem note...” is an important source, which provides material on China history at the beginning of the 18th century, and also describes the features of one of the initial periods of the Russian-Chinese relations formation. As a result of the visit, the materials of Lorentz Lang, despite the depth of the issues they cover, turned out to be practically unclaimed by the wide strata of the 19th century Russian society, neither for scientific, nor for educational purposes. At the same time, the Russian population’s perception of the Middle Kingdom as an irrelevant, weak partner could be explained by its remoteness from the active center of Russia at the time.

Key words: Lorenz Lang, Russian Empire, Chinese Empire, Russian-Chinese relations, diplomacy, diaries, Russian periodicals

For citation: Petrunina, Zh.V. (2022) Lorenz Lang mission to China in 1721 (based on materials from «Per diem Note...»). *Society: Philosophy, History, Culture.* (2), 63–68. Available from: doi:10.24158/fik.2022.2.9 (In Russian).

В начале XVIII в. наряду с выстраиванием отношений с государствами Западной Европы русский царь Петр I уделял большое внимание Китаю. Со своей стороны пришедшая в 1644 г. к власти в Китае маньчжурская династия Цин предпринимала попытки расширить границы своих владений на севере и внимательно следила за действиями русских на Амуре. Фактически на рубеже XVII–XVIII вв. закладывались основы торгово-экономического взаимодействия двух стран, взаимное знакомство народов России и Китая с национальной культурой и традициями друг друга, началось территориальное сближение этих государств, что создавало основу для установления двусторонних дипломатических отношений.

После заключенного Нерчинского договора (1689 г.) между русским и китайским государствами начала развиваться караванная торговля. В 1692 г. из Москвы в Пекин было направлено

посольство во главе с голландцем (голштинцем) Избрантом Идесом – человеком, который вел торговлю с Россией, проживал в Немецкой слободе и был хорошо знаком Петру I. Вернувшись в Москву в 1695 г., Избрант Идес не только привез разные восточные «редкости», но и укрепил русского царя во мнении о необходимости развития торговых отношений с Китаем. За двадцатилетний период (1698–1718 гг.) в Китай было направлено 10 торговых караванов¹.

Интенсификация российско-китайских торговых отношений, появление на российском рынке товаров из Поднебесной, создание в домах столичной знати интерьеров на китайский манер (Самойлов, 2021: 69) активизировали интерес к этому государству в разных слоях российского общества начала XVIII в.

В то время информация о Китае поступала в Россию из разных источников. Образованные люди знакомились с описаниями путешествий западноевропейских авторов, переводами на русский язык отчетов иезуитов, произведений китайской литературы (Лукин, 2007: 52). Зачастую образ Китая в России в то время формировался русскими путешественниками, оказавшимися в Китае, или европейцами, находившимися на службе у Петра I и включенными в состав дипломатических миссий, направляемых на Восток. Многие из них не имели большого опыта в этой сфере и обладали разным уровнем культуры (Благодар, 2010: 223), поэтому предлагаемые материалы носили преимущественно бессистемный характер. Однако личные впечатления дипломатов о народах Цинской империи стали важным дополнением к официальным документам, характеризующим тенденции развития российско-китайских отношений в первой четверти XVIII в.

Большое значение для знакомства России с Китаем имела деятельность шведского инженера, путешественника, российского дипломата и государственного деятеля Лоренца Ланга (Ланге). Биография его подробно представлена в научной литературе (Шафрановская, 1961; 1971; Мясников, 1995; Благодар, 2010; Березницкий, 2017). По разным данным, Лоренц Ланг находился на службе у Петра I в 1712 г. в качестве лейтенанта инженерного корпуса. Он был очень образованным человеком своего времени. В истории сохранился факт получения им в библиотеке Академии наук словаря Пьера Бейля «*Dictionnaire Critique et Historique*» (Пумпян, 2012: 94).

В период с 1715 по 1737 гг. деятельность Ланга была связана с укреплением российско-китайских отношений. В это время он активно занимался организацией и сопровождением российских торговых караванов в Китай, входил в состав посольств Л.В. Измайлова (1719–1721 гг.) и С.Л. Владиславича-Рагузинского (1725–1727 гг.), стал первым российским резидентом (консулом) в Пекине, где подолгу проживал, налаживая связи между двумя империями. За период своей дипломатической карьеры Ланг побывал в Китае шесть раз. С 1739 по 1752 гг. он служил вице-губернатором Иркутской провинции (Россия и Китай ..., 2013: 37). Могила Лоренца Ланга не сохранилась до наших дней, но дипломата помнят и чтят его заслуги перед Россией: в августе 2021 г. в Иркутске был выбран эскиз памятного знака в честь первого иркутского губернатора и вице-губернатора в виде бронзовой фигуры двуглавого орла у развернутой карты Иркутской губернии XVIII в.²

Во время своих путешествий по Китаю Ланг собирал предметы и книги на китайском и маньчжурском языках, многие из которых стали основой библиотеки Российской академии наук и этнографических коллекций Кунсткамеры.

Большую ценность для специалистов представляют дневники Лоренца Ланга. Написанные на немецком языке, эти материалы долго не переводились на русский язык и, по справедливому замечанию отечественного исследователя Т.К. Шафрановской, получив признание в мировой литературе, в России «оставались вне поля зрения не только читателей, ... но и специалистов-китаеведов» (Шафрановская, 1961: 188). Сохранившиеся четыре дневника Лоренца Ланга, написанные им в разное время, представляют собой ценный источник по истории, этнографии, географии Сибири и Китая, политическим и торговым российско-китайским отношениям в XVIII в. (Березницкий, 2017: 51).

Дневник Ланга, написанный им в ходе первого путешествия в Китай в 1715–1716 гг., известен в научной среде. Он переведен на русский язык и подробно описан Т.К. Шафрановской (Шафрановская, 1961: 188–205).

Не менее интересными для исследователей представляются заметки Ланга, которые он вел, находясь в составе посольства лейбгвардии Преображенского полка Льва Измайлова в 1721 г. Оказавшись во второй раз в Пекине в чине «агента российского для надзора и управления купечества», Ланг подробно фиксировал происходящее вокруг него, создавая комплекс

¹ Русско-китайские отношения в XVIII веке. Материалы и документы : в 2 т. / отв. ред. С.Л. Тихвинский. М., 1978. Т. 1 : 1700–1725. С. 15–16.

² Эскиз памятного знака в честь первого иркутского губернатора и вице-губернатора выбрали в Иркутске // Сибирские новости. URL: <https://snews.ru/news/eskiz-pamyatnogo-znaka-v-chest-pervogo-irkutskogo-gubernatora-i-vice-gubernatora-vybrali-v> (дата обращения: 27.01.2022).

документов, отражающих его субъективное восприятие Поднебесной. Один из них, названный «Поденная записка пребывания г. Лоренца Ланга, агента Его Величества Императора Российского, при китайском дворе 1721 года», стал доступен широким слоям российской общественности после публикации в нескольких номерах журнала «Северный архив» за 1822 г.¹

Появление «Поденной записки...» в журнале «Северный архив» соответствовало замыслам главного его редактора Ф.В. Булгарина. На страницах этого издания читатели имели возможность знакомиться с историей, статистическими материалами и обзором путешествий в разные земли и государства. Опубликованная «Поденная записка...» была снабжена постраничными комментариями, которые также можно расценивать в качестве исторического источника. Фамилия и сфера деятельности человека, готовившего материалы Ланга к публикации, в «Северном архиве» не указаны. Вместе с тем предложенные разъяснения свидетельствуют об осведомленности их автора о деятельности Ланга и о китайских нравах начала 1720-х гг., а также о том, что к началу XIX в. в России уже были накоплены определенные теоретические знания о Поднебесной и имелся практический опыт взаимодействия с Китаем.

Свои записи Ланг начал вести с марта 1721 г., после того как «Чрезвычайный его Царского Величества Посол» Лев Измайлов завершил дела в Китае и отбыл из Пекина. В период признания Российской империи на международной арене в ее внешнеполитической повестке стал присутствовать и китайский вопрос. Задачи, которые следовало решить оставшемуся в Цинской империи «поверенному агенту российскому» Лангу, носили прагматический характер. В отличие от первой поездки в Китай (1715–1716 гг.), которая не имела четкой дипломатической цели, а ограничивалась приобретением для Петра I китайских вещей, к началу 1720-х гг. Ланг должен был продолжить дело Льва Измайлова и постараться создать условия для установления равноправных торговых и дипломатических отношений между империями.

Реализация намеченного для Ланга затруднялась рядом обстоятельств, большая часть которых была связана с различиями в ценностных ориентациях подданных России и Китая.

Жизнедеятельность российского представителя при дворе Его Богдыханского Величества была жестко регламентирована. Любое выражение несогласия было неприемлемо, поскольку, как заявил Лангу один из китайских сановников, «никому не позволено в Китае противиться воле Императорской»². Так, выезд Ланга из Пекина был возможен лишь с личного разрешения императора³, им же определялось и дневное содержание членов русской миссии. Состав его зависел от статуса и выполняемых функций каждого из них. Ежедневно «по велению ханскому» Ланг получал по одной рыбе, овце, цыпленку, чашке молока и кружке тарразуна (подогретый напиток, употребляемый в Китае вместо вина), по две унции чая и коровьего масла, полжины⁴ соленой капусты и две меры сорочинского пшена, две унции светильного масла и пятнадцать жин дров. Переводчику Лоренца Ланга полагалась лишь одна овца раз в девять дней, ему не выдавались рыба, цыпленок, молоко, соленая капуста и тарразун. Рацион менее статусных служителей ограничивался жином говядины, унцией соли, мерой сорочинского пшена и жином дров в день⁵. При этом большинство товаров, кроме овец, рыбы и молока, следовало получать только «из магазинов ханских»⁶.

Подчеркивая педантичность цинских чиновников при ведении торговых отношений, Ланг говорил о них как об очень сложных переговорщиках, отмечал их умение уходить от ответа или затягивать рассмотрение «неудобных» вопросов путем длительного обсуждения в разных структурах при дворе императора. Среди мер, которые должны были склонить российских дипломатов к ведению торговли на условиях цинов, Ланг называл «держание взаперти подданных великого Монарха» России на подворье⁷, заявления китайских мандаринов об отказе «на будущее время иметь дела с купцами русскими»⁸ или решение «Его Богдыханского Величества не слышать ни о какой ... российской торговле в своей империи» до урегулирования вопросов о границе⁹.

Особую проблему для членов российских миссий представляли ритуалы, принятые в Китае, во время исполнения которых, как разъяснялось в постраничных комментариях к тексту

¹ Поденная записка пребывания г. Лоренца Ланга, агента Его Величества Императора Российского, при китайском дворе 1721 года // Северный архив. 1822. № 17. С. 329–356 ; № 19. С. 28–46 ; № 20. С. 8–114 ; № 21. С. 191–199 ; № 22. С. 265–282 ; № 23. С. 344–364.

² Там же. № 23. С. 349.

³ Там же. № 17. С. 330.

⁴ Мера жин была распространена среди монгольских народов, использовалась для взвешивания, равнялась 600 граммам.

⁵ Поденная записка ... // Северный архив. 1822. № 17. С. 331, 334.

⁶ Там же. С. 335.

⁷ Поденная записка ... // Северный архив. 1822. № 20. С. 87.

⁸ Там же. С. 89.

⁹ Там же. № 21. С. 193.

Ланга, иностранным послам следовало бить поклоны и «три раза повернуться перед императором»¹. Несмотря на то, что во время посольства Льва Измайлова заинтересованные друг в друге российская и китайская стороны сумели найти компромисс – Петр I разрешил отечественным дипломатам кланяться китайскому императору, а он, в нарушение всех традиций, мог лично, а не через своих представителей, принять послания от представителей российской миссии, – ситуация продолжала вызывать неприятие и непонимание у Ланга.

Опыт российско-китайского взаимодействия, полученный на протяжении XVIII в., позволил автору комментариев к «Поденной записке...», во-первых, сделать вывод, что китайские чиновники в целом противились присутствию российского представителя при императорском дворе, обосновывая свою позицию «коренными уставами Империи», которые они «ни по чему переменить не могут»², а во-вторых, отнести к факторам, сдерживавшим развитие российско-китайских отношений в XVIII в., деятельность членов Ордена иезуитов. Находившиеся в Китае и активно взаимодействовавшие с цинским императором, они с подозрением наблюдали за представителем государства, монарх которого «приказал выслать всех иезуитов из своего государства»³.

От взора Ланга не ускользнул факт имеющийся противоречий между цинским императором и китайскими сановниками. К примеру, Ланг описывал случай, когда за воздвигнутые на день рождения Богдыхана по обеим сторонам дороги от Пекина до Чанчуня триумфальные ворота «из одного только дикого тесаного камня» китайские министры были на несколько недель лишены милости императора. Рассчитывая на возвращение его расположения, сановники в короткий срок организовали снос установленных ворот, постройку на их месте большого количества новых позолоченных и украшенных шелком триумфальных ворот и колонн «великолепнейшей работы и отличного вкуса», театров, в которых служили «искусные комедианты» и звучала вокальная и инструментальная музыка⁴. И лишь после реализации столь масштабных преобразований китайские министры смогли явиться в императорский дворец и «униженно, с поникшим взором и на коленях» просить Богдыхана осмотреть новое строение⁵. В комментариях содержатся дополнения к этому и ряду других сюжетов, свидетельствующие, с одной стороны, о стремлении императора Канси отучить своих придворных от «праздной изнеженной китайской жизни»⁶ и привлечь их к труду, а с другой – о настроениях китайских вельмож, «с неудовольствием в сердце»⁷ подчинявшихся маньчжурскому правителю, воздавая ему почести, «простирающиеся до обожания»⁸.

Большое внимание Ланг уделял изучению традиций и культуры Цинского Китая начала XVIII в., незнание которых затрудняло не только становление российско-китайского диалога, но и решение многих государственных и повседневных задач в самом Китае. Записки Ланга содержат богатый материал о чайной церемонии, особенностях национальной кухни, о празднике фонарей, известном «при дворе китайском больше уже 2 000 лет»⁹, религиозных ритуалах империи.

К числу важных наблюдений российского дипломата следует отнести описание денежной системы в Китае. К первой четверти XVIII в. в Империи Цин еще не использовались золотые и серебряные деньги, поэтому «все покупают и продают на вес»¹⁰. Чистоту используемого на вес золота или серебра было принято проверять с помощью специальных ножниц, которыми металл разрезали на части. Разрезанное «в десять или более ланов¹¹, без всякой трещины в разрезе» золото считалось самым чистым¹² и именно такое собиралось в ханскую казну. «Обыкновенное» золото, используемое в торговле, должно было отличаться «от настоящего ханского» по чистоте¹³. К началу 1720-х гг. в Китае постепенно начала сказываться денежная система, состоявшая из «ланов, чинов и фунов»¹⁴. Для мелких расчетов в ходу были медные деньги, которые китайцы называли «тезиен»¹⁵.

¹ Поденная записка пребывания г. Лоренца Ланга, агента Его Величества Императора Российского, при китайском дворе 1721 года // Северный архив. 1822. № 17. С. 341.

² Там же. С. 330, 346.

³ Там же. С. 344.

⁴ Там же. С. 339–340.

⁵ Там же.

⁶ Там же. № 19. С. 37.

⁷ Там же. № 17. С. 341.

⁸ Там же. С. 340.

⁹ Там же. № 20. С. 101–102.

¹⁰ Там же. № 23. С. 354.

¹¹ Вероятно, Ланг имеет в виду лян – единицу массы в Китае, которая была равна приблизительно 31,3 грамма. Лан – монгольское произношение.

¹² Поденная записка ... // Северный архив. 1822. № 23. С. 353.

¹³ Там же. С. 357.

¹⁴ Там же. С. 355.

¹⁵ Там же.

Завершая «Поденную записку...» в августе 1722 г., Ланг дал пространную характеристику состояния российско-китайской торговли к началу 1720-х гг. Торгово-экономическое взаимодействие между двумя империями только получало развитие. Большим спросом у российских купцов пользовались китайский шелк, зеленый чай, атлас, драгоценные камни, бадьян, фарфор, китайские обои, табак. Китайские торговцы покупали у русских шкурки якутского соболя, камчатских бобров, лисиц, которые водились в районе реки Лены, рысей и мелких хищников. Платежной единицей в российско-китайской торговле того времени выступало серебро¹. Ланг перечислил и товары, которые не завозились из Китая в Россию (амбра, мускус, корень «хихин» (женьшень), хлопчатобумажная ткань, сахарный песок, финики, миндаль, виноград, имбирь)², но они были широко известны во многих странах мира и могли оказаться на российском рынке благодаря транзитной торговле.

Наряду с позитивными оценками и тонкостями ведения торговых дел в Китае Ланг обратил внимание на наличие обмана и «беспорядков в торговле» этого государства³. Преимущественно имея дело с чиновниками, Ланг сделал вывод об этом слое китайского общества, как о «корыстолюбивых и гордых» китайцах, стремившихся «получить подарки» от иностранцев любым способом⁴, справедливо полагая, что информация об «алчности» сановников Поднебесной и «хитростях» китайских торговцев, занимающихся обвесом или подделкой золота⁵, будет полезна для российских торговцев в будущем. В качестве меры к пресечению сложившейся ситуации Ланг предложил «при утверждении мирных договоров впредь ... обязать китайское министерство безденежно допускать нас иногда защищать себя», а развивающуюся торговлю сделать «не зависящей от мандаринов и военных людей»⁶.

Официальная версия причины спешного отъезда российского дипломата из Пекина была связана с разгоравшимися конфликтами между Россией и Китаем в приграничной полосе и, как следствие, нежеланием императора вести диалог с представителем Российской империи. Однако более весомым поводом для отъезда Ланга из Китая могла послужить его встреча с корейскими купцами, которым было запрещено общаться с иностранцами без разрешения китайских сановников⁷.

Готовясь покинуть Китай, Ланг оставался верным возложенному на него поручению и понимал значение своей миссии в развитии равноправных российско-китайских отношений. В беседе с китайским мандарином он подчеркивал, что «не с тем послан ко двору пекинскому, чтобы стать орудием несогласия»⁸.

«Поденная записка...» Лоренца Ланга должна была помочь отечественному читателю составить представление об особенностях управления и образа жизни в Китае. Вместе с тем материалы, опубликованные почти век спустя после описываемых событий, практически не использовались ни в научных, ни в образовательных целях в первой половине XIX в. К этому времени «Поденная записка...» фактически «затерялась» в большом количестве литературных произведений, путевых заметок и мемуаров российских и зарубежных путешественников, в которых в разной степени были представлены китайские сюжеты. Кроме того, часть сведений, собранных Лангом, в реалиях первой половины XIX столетия устарела и уже не была актуальна в связи с постепенным укреплением положения России на Дальнем Востоке и ослаблением Китая под натиском внутренних и внешних проблем. Недооцененность материалов Лоренца Ланга может быть связана и с тем, что для большей части образованной элиты российского общества первой половины XIX столетия Китай так и оставался далеким и почти неизвестным государством. После присоединения к России территорий Приамурья и активизации жизни на российской окраине интерес к Китаю возрос. Со второй половины XIX в. «Поденная записка...» Лоренца Ланга стала использоваться в научных исследованиях. Сведения, собранные дипломатом, были признаны важным источником, содержащим не только описание одного из начальных периодов формирования российско-китайских отношений, но и иллюстрирующим процесс складывания в общественном мнении России портрета Китая, столь отличающегося от западных государств.

¹ Поденная записка пребывания г. Лоренца Ланга, агента Его Величества Императора Российского, при китайском дворе 1721 года // Северный архив. 1822. № 23. С. 358–362.

² Там же. С. 363–364.

³ Там же. С. 355.

⁴ Там же. С. 352–353.

⁵ Там же. С. 355.

⁶ Там же. С. 353.

⁷ Там же. № 20. С. 102.

⁸ Там же. № 23. С. 351.

Список источников:

- Бережницкий С.В. Караванная торговля России с Китаем и отечественная наука XVIII в. СПб., 2017. 266 с.
- Благодер Ю.Г. Россия и Китай: практика двусторонней дипломатии (XVII–XVIII вв.) // Ученые записки Казанского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2010. Т. 152, № 3-1. С. 222–232.
- Лукин А.В. Медведь наблюдает за драконом. Образ Китая в России в XVII–XXI веках. М., 2007. 598 с.
- Мясников В.С. Межгосударственные отношения России с Китаем как форма межкультурного контакта // Цивилизации и культуры. Вып. 2. М., 1995. С. 215–233.
- Пумпян Г.З. О китаеведении в Библиотеке Российской академии наук и в Отделе литературы стран Азии и Африки БАН // Россия и Китай : научные и культурные связи (по материалам архивных, рукописных, книжных и музейных фондов). Вып. 2. СПб., 2012. С. 94–118.
- Россия и Китай: четыре века взаимодействия. История, современное состояние и перспективы развития российско-китайских отношений / под ред. А.В. Лукина. М., 2013. 704 с.
- Самойлов Н.А. Вклад Петра Великого в социокультурное взаимодействие России со странами Восточной Азии // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. Т. 43, № 6. С. 65–76. <https://doi.org/10.15393/uchz.art.2021.658>
- Шафрановская Т.К. Лоренц Ланг и изучение его дневников // Скандинавский сборник. Т. 16. Таллин, 1971. С. 215–224.
- Шафрановская Т.К. Путешествие Лоренца Ланга в 1715–1716 гг. в Пекин и его дневник // Страны и народы Востока. Вып. II. М., 1961. С. 188–205.

References:

- Bereznickij, S. V. (2017) *Karavannaya trgovlya Rossii s Kitaem i otechestvennaya nauka XVIII v.* [The Sino-Russian Caravan Trade and Domestic Science in the XVIIIth Century]. Saint Petersburg. 266 p. (in Russian).
- Blagoder, Yu. G. (2010) *Rossiya i Kitaj: praktika dvustoronnej diplomatii (XVII–XVIII vv.)* [Russia and China: Practice of Bilateral Diplomacy (XVII–XVIII centuries).]. *Uchenye zapiski Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki.* 152 (3-1), 222–232 (in Russian).
- Lukin, A. V. (2007) *Medved' nablyudaet za drakonom. Obraz Kitaya v Rossii v XVII – XXI vekah.* [The Bear is Watches the Dragon. Russia's Perceptions of China and the Evolution of Russian-Chinese Relations Since the XVII–XXI Centuries]. Moscow. 598 p. (in Russian).
- Lukin, A. V. (ed.) (2013) *Rossiya i Kitaj: chetyre veka vzaimodejstviya. Istoriya, sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya rossijsko-kitajskih otnoshenij* [Russia and China: Four Centuries of Interaction. History, Current Status and Prospects of Sino-Russian Relations] Moscow. 704 p. (in Russian).
- Myasnikov, B. C. (1995). *Mezhgosudarstvennyye otnosheniya Rossii s Kitaem kak forma mezhsivilizacionnogo kontakta* [Interstate Sino-Russian Relations as a Form of Inter-Civilisational Contact]. In: *Civilizacii i kul'tury*. Vol. 2. Moscow, pp. 215–233 (in Russian).
- Pumpyan, G. Z. (2012) *O kitaevedenii v Biblioteke Rossijskoj akademii nauk i v Otdеле literatury stran Azii i Afriki BAN* [About Sinology in the Library of the Russian Academy of Sciences and in the Department of Literature of Asian and African Countries Library of the Russian Academy of Sciences]. In: *Rossiya i Kitaj : nauchnye i kul'turnye svyazi (po materialam arhivnyh, rukopisnyh, knizhnyh i muzejnyh fondov)*. Vol. 2. Saint Petersburg, pp. 94–118 (in Russian).
- Samoylov, N. A. (2021) Peter the Great's Contribution to the Socio-Cultural Interaction between Russia and East Asian Countries. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta.* 43 (6), 65–76. Available from: <https://doi.org/10.15393/uchz.art.2021.658> (in Russian).
- Shafranovskaya, T. K. (1961) *Puteshestvie Lorenca Langa v 1715–1716 gg. v Pekin i ego dnevniki* [Travel of Lorenz Lang in 1715–1716 to Beijing and His Diary]. In: *Strany i narody Vostoka*. Vol. II. Moscow, pp. 188–205 (in Russian).
- Shafranovskaya, T. K. (1971) *Lorenc Lang i izuchenie ego dnevnikov* [Lorenz Lang and the Study of His Diaries]. In: *Skandinavskij sbornik*. Vol. 16. Tallin, pp. 215–224 (in Russian).

Информация об авторе

Ж.В. Петрунина – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры «История и культурология» Комсомольского-на-Амуре государственного университета, Комсомольск-на-Амуре, Россия.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=407781.

Information about the author

Zh.V. Petrunina – D. in History, Professor, Professor of the History and Cultural Studies Department, Komsomolsk-na-Amure State University, Komso-molsk-on-Amur, Russia

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=407781.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 28.12.2021;
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 18.01.2022;
Принята к публикации / Accepted for publication 08.02.2022.